

Сыпачев Сергей Владимирович

заместитель руководителя военного следственного управления

по Центральному военному округу

г. Екатеринбург

milena.555@mail.ru

Sergey V. Sypachev

Deputy head of the military investigation Department

for the Central military district

Ekaterinburg

milena.555@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕУСТАВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРМИИ

INSTITUTIONAL BACKGROUND OF HAZING IN THE ARMY

***Аннотация.** Одной из острых проблем современной армии является ее криминализация, ярким проявлением которой выступает повсеместное развитие неуставных отношений в воинских коллективах. Анализ проблемы свидетельствует о том, что данная проблема является самовоспроизводимой, что свидетельствует не только о наличии перспектив ее дальнейшего усугубления, но также и об институционализации деструктивной модели. Одновременно с этим, обнаруживаются предпосылки развития неуставных отношений на уровне дисфункциональности самого института армии, и, в частности, его функциональной сферы, ответственной за воспитание новобранцев. В статье провидится общий обзор внешних и внутренних факторов, определяющих криминализацию отношений в современной российской армии.*

***Ключевые слова:** армия, неуставные отношения, криминализация армии, социальные институты, дисфункция института армии.*

***Annotation.** One of the acute problems of a modern army is its criminalization, a clear manifestation of which is the widespread development of hazing in military units. Analysis of the problem indicates that this problem is samovosproizvoditsja, which reflects not only the prospects of further aggravation but also on the institutionalization of destructive patterns. At the same time, found the preconditions for the development of hazing at the level of the dysfunctional of the institution of the army, and, in particular, its functional areas, responsible for raising recruits. The article Providence General overview of external and internal factors that determine the criminalization of relations in the modern Russian army.*

***Keywords:** army, bullying, the criminalization of the army, social institutions, dysfunction of the institution of the army.*

Важным аспектом социализации в военном социальном институте является пересмотр, а иногда и нивелирование ряда индивидуальных психологических особенностей личности и мотиваторов поведения. Жесткая дисциплина, строй, построения, маневры, все это направлено на воспитание готовности выполнения приказа в боевых условиях, даже если это будет сопровождаться высокой степенью риска собственной жизнью [3]. Адекватное функционирование армии как социального института основывается не на совокупности личных осознанных действий военнослужащих, а на системном единстве вооруженных сил, при котором индивидуальное волевое начало растворяется в коллективном. В этой связи социализация военнослужащего означает усвоение такой модели поведения, при которой он безоговорочно готов действовать как часть своего подразделения, выполняя приказ вышестоящих, в соответствие с основными принципами военной службы, прописанными в уставе. Поскольку первичный этап социализации военнослужащих связан с деактуализацией индивидуальных личностных особенностей новобранцев, в ходе его реализации находит свое выражение высокий деструктивный потенциал социальных противоречий между носителями распространенных в армии норм и моделей поведения и призывниками. Фактически, на этом этапе происходит актуализация социальных притязаний призывников, их гражданского статуса, социальных установок и индивидуального позиционирования с серьезным их последующим подавлением. При этом источником конфликтности может быть как нежелание новобранцев принимать сложившиеся «правила игры», так и скрытые деструктивные факторы, к которым относится социальное неравенство в обществе и связанная с ним напряженность. Поскольку структура армии уравнивает социальный статус военнослужащих, имеющих одно и то же звание и должность (что наиболее актуально для рядовых солдат), какие либо личные социальные преимущества, имеющие место в гражданской жизни, утрачивают свое значение, что является одним из благоприятных условий для «сведения социальных счетов» военнослужащими. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Важным аспектом статусно-ролевой определенности военнослужащего, как представителя социальной категории являются институциональные формы поведения, вырабатываемые в ходе вторичной социализации индивидов, попадающих в военное сообщество. Система ролевых функций военнослужащих не сводится к институциональным формам поведения. Наряду с институциональными формами поведения военнослужащих, существует неформальный уровень коммуникации, на почве которого образуется набор институционально предписанных форм девиантного поведения [5].

Первая категория обладает высокой степенью прозрачности со стороны института контроля. Институциональные нормы, несмотря на то, что имеют долгую историю формирования, доступны реформированию и являются

закрепленными в структуре нормативно-правового регулирования основополагающих аспектов бытия военнослужащего как социальной группы. Институциональные нормы могут стать предметом реформирования, наряду с другими аспектами функционирования армии как социальной организации.

Иной характер обнаруживают институционально предписанные формы девиантного поведения в среде военнослужащих. Будучи изначально формой социальной девиации, они не могут быть устранены или видоизменены обычными нормативными способами. В этом смысле они обладают высокой степенью жизнеспособности, и их контроль является если не невозможной, то по крайней мере сложной комплексной задачей [5].

В системе социологического знания можно выделить два основных подхода к оценке институциональных форм девиантного поведения в среде военнослужащих. Во-первых, это рассмотрение социальных девиаций в системе армии с отрицательной коннотацией данного явления. Отклоняющееся поведение среди контингента, имеющего непосредственный доступ к вооружению, и располагающегося удаленно от основного общества может расцениваться как угроза, как для самих представителей военного сообщества, так и для гражданского населения. Подобное мнение получает свое обоснование при рассмотрении преступлений насильственного характера в рядах Вооруженных Сил. В целом негативная характеристика институционально закрепленных и регулярно воспроизводимых форм девиантного поведения в военной среде, является продолжением сформировавшегося общественного мнения, в том числе и на основании знакомства с особо громкими уголовными делами, получившими широкий общественный резонанс. В результате формируется целый пласт исследовательской литературы, посвященной различным аспектам модернизации военного сообщества, воспитания военнослужащих, где в качестве исходной точки, аксиомы, воспроизводится теоретическое положение, согласно которому ненормативные институциональные модели поведения представляют собой проблему, требующую разрешения.

Противоположная точка зрения связана с интенцией на системное рассмотрение всех институциональных форм поведения в армейской среде, в качестве компонентов единого статусно-ролевого набора военнослужащего [1]. Такой подход не предполагает возможным полное купирование институциональных моделей девиантного поведения, как особого типа поведенческой практики. Силовые методы, основанные на ужесточении нормативных форм не приносят прямых результатов, их влияние является системным и не всегда однозначно прогнозируемым. Среди теоретических подходов, рассматривающих отклоняющееся поведение в качестве институционально закрепленной формы существует ряд теоретических позиций, обнаруживающих положительное значение ряда моделей поведения, которые выглядят как явно нарушающие нормы общественного порядка

На наш взгляд, регулирование структуры взаимоотношений в военной среде, представляет собой комплексную проблему, решение которой не может основываться исключительно на усилении социального контроля и полном устранении неформального сектора социального взаимодействия. Ввиду особой жизнеспособности, неформальные модели поведения в среде военнослужащих, в том числе и институционально предписанные формы девиантного поведения принципиально неустранимы. Однако это не означает, что они не поддаются регулированию. Наличие социально-культурных, социально-экономических, политических и прочих оснований усугубления ситуации разгула неуставных взаимоотношений (насилия, дедовщины), на фоне усиления роли институционально предписанных моделей девиантного поведения, свидетельствует о системности данных явлений и принципиальной возможности опосредованного воздействия на данную ситуацию.

С целью определения адекватной стратегии регулирования взаимоотношений в среде военнослужащих, а также обеспечения правопорядка, необходимо расширить представления о статусно-ролевом наборе военнослужащих. В частности, следует исходить из того, что статусно-ролевой набор военнослужащего невозможно адекватно отразить, опираясь исключительно на нормативные и институционально приемлемые формы поведения, регламентированные Уставом. Наряду с «нормальным» поведением существует комплекс институционально предписанных форм девиантного поведения социализирующая функция которых должна стать предметом обстоятельного исследования [1]. Следует учитывать то, что, «Социальный статус члена воинского коллектива (участника военизированной организации) содержит потенциальные ролевые конфликты, определяемые прежде всего противоречием между повседневными жизненными потребностями и жесткими нормами, порождаемыми институциональной средой таких организаций» [5].

Наличие ролевых конфликтов в среде военнослужащих, как правило, и наиболее массово, проявляется на начальной стадии вторичной социализации индивидов. Как отмечает А.М. Панченко, существует два основных направления выхода из данной ситуации. Первое характеризуется социальным конформизмом и, соответственно предполагает «полное подчинение нормам военной среды» [5]. При этом отмечается парадоксальная ситуация: «полное воспроизводство армейских норм и ценностей воспринимается военным сообществом как девиация» [5]. Получается, что поведение военнослужащего в любом случае подпадает под категорию девиантного, разница лишь в том, со стороны институциональных норм «официальной» системы армейского воспитания и Устава, или с точки зрения военного сообщества.

В военном сообществе вырабатываются альтернативные механизмы официально предписанных норм, что выражается в институциональном закреплении ряда форм девиантного (с точки зрения Устава и официальных

представлений о статусно-ролевом наборе военнослужащего) поведения. Многие «такие отклонения называются девиантными с точки зрения институциональных норм, однако в некоторых ситуациях весьма эффективными для организации жизни военного сообщества» [1].

На наш взгляд, констатация положительного содержания институционально предписанных форм девиантного поведения не может оправдывать деструктивный потенциал неуставных отношений в среде военнослужащих. Институт контроля в системе вооруженных сил не должен позволять возникновению ситуации гиперфункции данных неформальных моделей поведения в системе Вооруженных Сил. Следует также заметить, что к числу основных институционально предписанных форм девиантного поведения относится уклонение от служебных обязанностей, самовольное оставление части, пьянство, а также умение «правильно» передавать информацию (писать объяснительные записки, лгать, интерпретировать) [1]. В основе большинства из названных моделей поведения лежат личные интересы или интересы локальной группы, «институциональные формы девиации, распространенные в военной среде, связаны, прежде всего, с возможностью обхода официально предписанных норм, которые препятствуют удовлетворению многих повседневных потребностей» [5]. Данные модели проявляют амбивалентность с точки зрения конфликтогенной характеристики военной среды [4]. С одной стороны, они становятся фактором вторичной социализации, способствуют формированию и укреплению неформальных связей в коллективе, становятся частью социального статуса военнослужащего [5]. Они прочно вплетаются в систему подготовки военнослужащих: поскольку подобные формы поведения являются запрещенными и предполагают соответствующие формы наказания, их реализация часто требует определенной доли решительности, тактического мышления, слаженной работы в коллективе. С другой стороны, именно неформальные факторы консолидации военнослужащих становятся серьезной предпосылкой роста конфликтогенного потенциала и криминализации военного сообщества. Положительное значение неформальных поведенческих моделей, с точки зрения А.М. Панченко, состоит в том, что «Такое специфическое взаимодействие нормы и не нормы поддерживает устойчивость и эффективность военизированной организации. Ее участники, с одной стороны, осваивают модели нормативного поведения, с другой – привыкают проявлять креативность в выполнении сложных, нестандартных задач в условиях крайне ограниченных ресурсов. Это снимает социальное напряжение в военной среде и тормозит проявление активных форм социального протеста» [5].

В противовес подобной, в целом положительной оценке институционально предписанных моделей девиантного поведения, следует обратиться к проблеме неуставных отношений в форме «дедовщины». Дедовщина является ярким примером социальной девиации в системе Вооруженных Сил, причем для многих военнослужащих данная модель

поведения становится частью воинского статуса. На этом основании дедовщину целесообразно рассматривать в контексте общей теории социальных ролей.

В предельно общем смысле дедовщину можно определить как своеобразный институт контроля и воспитания, формирующийся неформально, соответственно, предполагающий собственную символическую систему и собственные способы нормирования поведения. Особенностью данной модели поведения становится то, что возникает она как реакция на глубокие кризисные явления в системе армейского воспитания и обучения. Как отмечает А.И. Балашов, «Переменный, многонациональный состав СА [Советской Армии] и отсутствие в ней профессионального сержантского корпуса обуславливали существование в ней специфического института социального контроля - так называемых неуставных отношений («дедовщины») среди солдат разных годов призыва, выражавшихся в передаче старослужащими солдатами («дедами») молодым призывникам социальных норм и правил армейской жизни, в том числе посредством физического и психологического насилия над ними» [2]. Получается, «дедовщина» восполняла пробел, социальную нишу и служила, в том числе важным инструментом социального контроля. Фактором жизнеспособности дедовщины долгое время было то, что военнослужащие, некогда страдавшие от дедовщины и оценивающие ее резко негативным образом, по истечении некоторого периода времени сами воспроизводили данную социальную модель по отношению к вновь прибывшим на военную службу. Таким образом, дедовщина представляет собой воспроизводимую социальную модель.

На наш взгляд, оценивая конструктивное и деструктивное значение дедовщины как институциональной модели, следует учитывать, что она возникает в заведомо кризисный период существования российской армии. В этой связи положительное значение дедовщины, как формы компенсации дисфункции института контроля и воспитания проявляется лишь на фоне общего упадка в армии. Деструктивный потенциал дедовщины для современной российской армии состоит в том, что данная социальная модель продолжает воспроизводить образ армии, кризисного этапа ее исторического развития. Подобный принцип, на наш взгляд применим и к другим видам неуставных взаимоотношений.

Литература:

1. Агранат Д. Л. Институциональная девиация в военизированных организациях // ЗПУ. 2009. №4 С.75-80.
2. Балашов А. И. Российская армия: смена модели // Мир России. Социология. Этнология. 2014. №4 С.148-177.
3. Карманов А. В. Воинское обучение и воспитание в российской армии: поиск новой парадигмы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №3 С.157-162.

4. Макарова И. В. Конфликт и неформальная коммуникация // Теория и практика общественного развития. 2012. №12 С.87-89.

5. Панченко А. М. Институционально предписанные формы девиантного поведения как часть социального статуса военнослужащего // Вестник МИЭП. 2011. №2 (2) С.101-108.

Literature:

1. Agranat, D. L. Institutional deviation in paramilitary organizations // LSS. 2009. No. 4 p. 75-80.

2. Balashov A. I. the Russian army: the changing pattern // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2014. No. 4 Pp. 148-177.

3. Karmanov A.V. Military training and education in the Russian army: search for a new paradigm // Vestnik of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2012. No. 3 p. 157-162.

4. Makarova I. V. Conflict and informal communication // Theory and practice of social development. 2012. No. 12 p. 87-89.

5. Panchenko A. M. Institutionally prescribed forms of deviant behavior as part of the social status of a soldier // Bulletin of the MIEP. 2011. No. 2 (2) Pp. 101-108.8. Shulenkova S. B., inter-Ethnic relations in the multiethnic region (on the example of the Republic of Adyghea) // Bulletin of Adyghe state University. 2013. No. 1.